

Остальными произведениями Пи и Маргалья являются: «Федерация», «Противоборства наших дней», «Первые диалоги», «Амадей Савойский», «Исследования Средних Веков» и «Наблюдения характера Д. Хуана Тенорио».

До 1880 – 1881 гг. не была инициирована ни одна явная реорганизация партии. Потерпели неудачу попытки сближения между Фигерасом и Пи и Маргалем. В это же время Пи и Маргаль образовал республиканскую партию, получившую название «федеральная пактистская» партия, выделив ее от «республиканской прогрессистской» и «федеральной». Политическая программа партии, разработанная Пи и Маргалем, была одобрена на конгрессе в Сарагосе в июне 1883 г. Там же региональным конгрессом партии Каталонии был принят проект федеральной Конституции Каталонского государства внутри Испанской Федерации¹¹⁹. В 1894 г. была составлена Программа Федеральной Партии, но она оказалась неспособна создать новую структуру разрозненной партии.

Избранный в 1886 г. депутатом в Кортесы Пи и Маргаль несколько раз являлся в Конгресс и редко произносил слово. В 1891 г. он был избран депутатом Барселоной и Валенсией, получив выборный мандат Барселоны, являясь главой республиканского меньшинства в Конгрессе. Он внес поправки в программу федеральной партии, одобренной в 1894 г. Его критика правительств и режима оказалась верна, а предвидения очевидны, что было ясно из конфликта с Кубой и войной с США. Пи и Маргаль был единственным, кто считал, что сначала надо защищать автономию, а после независимость Кубы и был решительно против войны с Соединенными Штатами. Его верный труд получил признание на выборах 1899 г., где он был избран депутатом двумя округами и являлся кандидатом с самым большим числом голосов, вновь получив депутатский мандат на следующих выборах.

Несмотря на свой преклонный возраст, он совершил множество путешествий с целью политической пропаганды и в 1890 г. открыл и руководил газетой «Новый режим» (официальный орган федеральной партии), писав статьи и помогая разрабатывать каждый номер.

Со свойственной ему пронизательностью, упорством и последовательностью он твердо придерживался политической активности до последнего момента своей жизни. Он защищал свои республиканские и федеральные принципы наперекор всему и был самым значительным испанским политиком XIX в. Он выделился как историк, журналист, критик по искусству, философ и экономист. Он показал пример порядочности, а его личная жизнь была отмечена бесхитростностью и скромностью, включая нищету, не взирая на то, что им были достигнуты самые высокие государственные посты. Он доверял только своему разуму как источнику права и использовал историю для того, чтобы оправдать свои теории, у него была блистательная идея, которая должна была разрешить все злоключения: всеобщая федерация.

Один из современников Пи и Маргалья, Хосе Марти, во время своей ссылки в 1880 г., оставил такое описание этого деятеля: «Пи и Маргаль – апостол Испании. Утонченный старец с длинной бородой и массивным лицом. Никто ни в чем не может убедить его, но он убеждает целый свет. Его скромность есть лишь дело гордости. Социальная реформа – его единственная страсть. Но он не скрывает веру в то, что может делаться лишь насильно, разрушая все существующее. Когда кто-то в политике уничтожает, он должен уничтожать полностью. Его республика – это девственница с книгой в одной руке и с пики в другой. Он внушает больше уважения как к теоретику, чем симпатии к теории ... В этой испанской буре Сальмерон – человек из железа, Кастелар – человек из воска, а Пи и Маргаль – человек из мрамора»¹²⁰.

Франсиско Пи и Маргаль умер в своем мадридском доме, в шесть часов вечера 29 ноября 1901 г. Ему было 77 лет.

Ф.С. Гильмутдинов

Визит Дино Гранди в США в ноябре 1931 г.: по американским и итальянским дипломатическим документам

Именно в период Великой депрессии (1929 – 1933) тема пересмотра Версальско-Вашингтонских договоренностей вошла в критическую фазу. Экономический кризис разорвал и без того хрупкую связь мирохозяйственных соглашений, заставил гарантов Версальской системы сосредоточиться на внутренних проблемах собственного выживания, поставил под сомнение их международные обязательства по поддержанию коллективной безопасности.

В данном контексте особый интерес вызывает вторая половина 1931 г., начиная с июня, когда президент США Г. Гувер озвучил идею о введении моратория, как на выплату военных долгов союзниками по Антанте, так и репараций со стороны Германии странам-победительницам. Инициатива Вашингтона

¹¹⁹Ibidem.

¹²⁰Saco J.A. Paralelo entre la Isla de Cuba y algunas colonias inglesas. Madrid, 1837. Цит. по: Prieto Benavent. Pi y Margall, el hombre de marmol [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: <http://www.hispanocubana.org/revistach/paginas/revista8910/REVISTA10/ensayos/pi.17.08.2006>.

стала катализатором международных процессов, вызвав интенсификацию дипломатических контактов между США и ведущими странами Европы летом и осенью 1931 г.

Из серии международных встреч в этот период, важное место занимает визит министра иностранных дел Италии графа Дино Гранди в США в ноябре 1931 г.

В данной статье предпринята попытка на основе американских и итальянских дипломатических документов выяснить позицию итальянского руководства, одного из наиболее рьяных критиков Версальской системы, в отношении разработки комплекса внешнеполитических мер по выходу из кризисной ситуации. С другой стороны, выяснить особенности американской изоляционистской политики, прежде всего, ее пределы и опровергнуть или подтвердить ограниченные возможности США для разрешения кризисной ситуации.

Уроки провала международной миротворческой миссии США в период Великой депрессии станут предметом тщательного исследования в США и будут использованы политиками при разработке проектов международной безопасности после Второй мировой войны.

Идея визита Дино Гранди на другой конец Атлантики возникла у Муссолини во время европейского турне государственного секретаря США Генри Стимсона по главным европейским столицам: Рим – Париж – Берлин – Лондон. Идею визита Гранди в США Муссолини озвучил во время беседы со своим министром иностранных дел 15 июля, буквально на следующий день после отъезда Стимсона из Рима в Париж. По мнению Муссолини, визит должен носить личный и неофициальный характер, аналогично визиту американского госсекретаря, и предварительно намечался на середину октября 1931 г. При этом Муссолини и Гранди учитывали возможные трудности «при реализации данного проекта», т.к. Вашингтон в этом случае не брал на себя никаких обязательств.

В середине сентября в Рим пришло сообщение, ставившее под сомнение планировавшийся визит Гранди за океан: президент Г. Гувер пригласил посетить США с официальным визитом премьер-министра и одновременно министра иностранных дел Франции Пьера Лавала. Как позже признался сам Дино Гранди, это стало «неожиданным известием» для итальянской дипломатии. По требованию Муссолини, Гранди немедленно вернулся в Рим из Женевы, предварительно отправив письмо американскому послу в Италии Гаррету, который в это время находился в Париже, где поставил его в известность о возможной отмене своего визита в США.¹²¹

Обеспокоенность в Риме известием о предстоящем официальном визите в США французского премьер-министра была связана с предположением, что Лаваль может заручиться американской поддержкой на предстоящей конференции по разоружению в Женеве, учитывая итальянские противоречия с Францией по вопросу о военно-морском паритете на Средиземном море. Чтобы выяснить цели визита Лавала, посол Италии в США Джакомо Де Мартино 24 сентября 1931 г. сделал официальный запрос в государственный департамент.

Согласно меморандуму Стимсона, итальянского посла интересовал вопрос: может ли визит Лавала изменить в худшую сторону для Италии, пока благоприятную для нее позицию Вашингтона в области разоружения. Американский государственный секретарь заверил итальянского посла словами: «ни в коем случае». Отвечая на другой вопрос, что именно Соединённые Штаты надеются извлечь из визита Лавала, Стимсон заявил, что он хочет воспользоваться этим случаем «для изменения французской политики», поскольку глава французского кабинета произвёл «хорошее впечатление» во время его летнего визита в Париж. Стимсон также просил обратить внимание Дж. Де Мартино на недавнее назначение представителем США в Женеве Уилсона, как свидетельство поддержки предложений Гранди в вопросе о разоружении.¹²²

Несмотря на возражения министра иностранных дел, Муссолини удалось убедить его в необходимости продолжить подготовку к визиту в США, обусловив его двумя новыми требованиями. Во-первых, Италия должна получить «официальное приглашение» со стороны правительства США, во-вторых, приглашение должно исходить от президента Гувера главе итальянского правительства, а не стороны государственного департамента. Как видно, официальный визит Лавала кардинальным образом повлиял на решение Рима превратить визит Гранди из «личного и приватного» в официальный. Чтобы сообщить данные условия в Париж, где находился посол США в Италии Джон Гаррет, был отправлен один из секретарей Гранди «умный и верный» Л. Витетти.¹²³

3 октября Дж. Гаррет через своего коллегу в Париже Эджа проинформировал государственный департамент об условиях итальянской стороны. Посол также сообщил государственному секретарю, что Гранди планирует отплыть из Неаполя в Нью-Йорк 7 ноября и провести в США десять дней. Учитывая «фактор Лавала», Гаррет просил Стимсона в официальном приглашении подчеркнуть, что министр ино-

¹²¹I Documenti Diplomatici Italiani. Ser. 7. (1922 – 1935). Vol. XI. Roma. 1981. P. 169,170.

¹²²Papers relating to the Foreign Relation of the United States. 1931. Vol. II. Wash. (D. C.). 1946. P. 240.

¹²³DDI. Ser. 7. Vol. XI. P. 170.

странных дел Италии выразил желание посетить Вашингтон сразу же после июльского визита госсекретаря в Рим. Также Гаррет просил изложить причину переноса визита Гранди с октября на ноябрь (во второй половине октября как раз должен был состояться визит П. Лавалья) его занятостью на конференции в Женеве и визитом в Берлин. Одновременно Дж. Гаррет передал пожелание Гранди, чтобы его визит состоялся до начала работы сессии конгресса, поэтому «он должен приспособить свой визит между отъездом Лавалья и созывом конгресса»¹²⁴. Ответ, переданный Стимсоном Гаррету через американское посольство в Париже, учитывал основные пожелания Гранди, как относительно мотивации, так и сроков визита. В приглашении подчеркивалось, что Президент готов принять главу итальянского правительства, «но, принимая во внимание его занятость», приглашение решено направить итальянскому министру иностранных дел. Также, Стимсон просил передать «устно и доброжелательно», что он надеется воспользоваться случаем для «возобновления нашей дружбы», которой положила начало Лондонская конференция по проблемам сокращения морских вооружений.

10 октября поверенный в делах США в Италии Кирк передал Стимсону ответ Гранди, в котором отмечалось, что он принимает приглашение посетить Соединённые Штаты «для обмена мнениями» с государственным секретарём Стимсоном¹²⁵. Накануне отплытия из Неаполя, Муссолини напутствовал Гранди словами о значимости его предстоящего визита в США, «в самую сильную и самую богатую страну мира», которая, пригласив с официальным визитом представителя Италии, подчеркнула её «важность» наряду с Францией «самой сильной и самой богатой» страной Европы.

Период пребывания Гранди в США можно разделить на три этапа: первый – переговоры в Вашингтоне с президентом Г. Гувером и государственным секретарём Г. Стимсоном, а также с сенаторами и конгрессменами; второй – посещение Нью-Йорка и Филадельфии; третий – встречи с ведущими представителями американской элиты в сфере финансов, экономики, политики и культуры. Сам Гранди предпочитал выделить три фазы в своем визите – официальный, «публичный» и дипломатический¹²⁶. Наиболее важными были его переговоры с президентом США Гувером в Белом Доме и заместителем госсекретаря Уильямом Каслом - младшим, на пути из Нью-Йорка в Вашингтон.

Гранди сопровождал свою оценку Президента США следующими определениями: «молчаливый квакер», всегда «убеждённый в своих принципах»; «застенчивая личность»; «развалина», которая «никогда не улыбается» и руководствуется «идеальными мотивами»; «предпочитающий аксиомы умозаключениям» и недооценивающий «силу диалектики».

В самом начале переговоров Гувер сказал Гранди, что противники Муссолини и фашизма из числа итальянских эмигрантов, проживающих в США, пытались помешать его визиту, но сразу добавил, видимо, желая смягчить свои слова, что он выражает «восхищение» мерами, которые предпринимает дуче для преодоления кризиса. Гувер заметил, что если бы все главы государств предпринимали аналогичные действия, как Муссолини, то из кризиса «вышли бы намного быстрее». В последующих беседах с Гувером, Гранди изложил позицию Муссолини по актуальным вопросам внешней политики. Первым делом, Гранди поблагодарил президента за приглашение посетить США с официальным визитом. Далее Гранди заявил, что он приехал не для того, чтобы требовать политических преференций, а утвердить «лояльное и открытое сотрудничество» для решения международных проблем. Гранди подчеркнул, что война не входит в планы дуче, наоборот, он хочет «подарить итальянскому народу долгие годы мира для закрепления на новых основах жизни страны». Руководитель итальянской дипломатии вновь повторил намерение Муссолини добиваться сокращения вооружений. Что же касается проблемы военных долгов и репараций, то Рим готов принять к рассмотрению любой проект, предусматривающий «частичное или полное» решение, которое подготовит «почву» для окончательного урегулирования данного вопроса. Наиболее точно и определённо Гранди изложил позицию Рима в европейских делах: Италия не признаёт никакого доминирования (*supremazia*) на континенте и выступает сторонником европейского равновесия. Италия не одобряла «попытку германского доминирования» в 1914 г., а также была не намерена соглашаться с французским в 1931 г. Рим выступает ни «за», ни «против» Франции или Германии, а солидаризируется с Великобританией, которая «также как и мы» заинтересована в равновесии сил в Европе¹²⁷.

Близкие к вышесказанным соображения Гранди высказал во время переговоров с заместителем государственного секретаря У. Каслом младшим. Итальянский министр был убеждён, что в 1931 г. Италия находилась в более угрожающем положении, чем накануне Первой мировой войны, т.к. против неё выступал не только Париж, но и сформированная под его эгидой Малая Антанта. «Франция желает безопасности, абсолютной безопасности, но абсолютная безопасность для Франции должна также значить

¹²⁴FRUS. 1931. Vol. II. P. 643, 644.

¹²⁵Ibid. P.644, 645.

¹²⁶DDI. 7. XI. P. 171, 172.

¹²⁷Ibid. P. 173,174.

абсолютную безопасность для каждой нации. А как этого достигнуть?». Следовательно, делает вывод заместитель государственного секретаря, одним из побудительных мотивов приезда Гранди в США было выяснить, «как далеко мы хотим пойти» на предстоящей в феврале 1932 г. конференции по разоружению в Женеве.

Касл изложил итальянскому министру точку зрения госсекретаря, согласно которой США не надеются на большой успех, пока в Европе не будут урегулированы вопросы, «начиная с польского коридора». Гранди согласился, что решение данного вопроса стало бы «важнейшей гарантией» мира на старом континенте, однако, это невозможно сделать сейчас «без войны». При этом он сослался на свой недавний визит в Берлин, где просил канцлера Брюнинга договориться с Францией, не поднимая этих вопросов «в течение нескольких последующих лет». Брюнинг, якобы, ответил, что он может заключить соглашение с Парижем, но это означало бы немедленную отставку его правительства по причине сильнейшего давления в рейхстаге, особенно со стороны усиливающейся НСДАП. Здесь, согласно мемурандуму Касла, Гранди воспользовался случаем и заявил, что в Риме очень «раздражены» гитлеровской партией, которая называет себя фашистской, хотя «она не имеет ничего общего с фашизмом»¹²⁸. Даже в ослабленном виде Гранди рассматривал Германию в качестве естественного врага Италии. Всего лишь за несколько месяцев до визита в США ему удалось предотвратить заключение австро-германского таможенного союза.

Касл младший поинтересовался состоянием итало-советских отношений. На что Гранди ответил, что отношения с СССР являются «исключительно» коммерческими и за их рамки не выйдут по причине «крайне разных идеалов у обоих правительств».

В конце переговоров с Каслом, Гранди выразил пожелание «большой части итальянцев», чтобы Соединённые Штаты стали «лидером в международных делах». Ответ заместителя госсекретаря был достаточно уклончивым: Вашингтон намерен «подождать и посмотреть» сможет ли Европа воспользоваться ситуацией и предпринять «что-то сама для себя».

Визит завершился 19 ноября совместным заявлением Гранди и Стимсона. В нем выражалась надежда, что «морские державы» примут инициированные Италией предложения о введении одногодичного моратория «для достижения конкретных и конструктивных результатов на предстоящей конференции по ограничению вооружений». При этом подчеркивалось, что визит Гранди не преследовал цели заключения «особого соглашения», а только способствовал «неформальному обмену мнениями» между правительствами США и Италии¹²⁹.

Если подводить итоги визита, то безусловно стоит учитывать незримое присутствие «фактора Лавалья», чей визит в октябре в США оказал влияние не только на подготовку к визиту Гранди, но и в том, что «тень» французского премьера буквально преследовала руководителя Паллацо Киджи. Гранди почти каждый свой шаг сравнивал с действиями Лавалья. Например, Гранди, как и Лаваль, в Вашингтоне получил приглашение от влиятельного клуба представителей американской печати (The Oversea's Writers) с просьбой об интервью. Гранди приглашение принял, а Лаваль нет. В другом случае, сразу же по прибытии в Вашингтон, Гранди заявил, что визит Лавалья в США был встречен в Италии «с сердечной симпатией»¹³⁰. Даже переговоры с У. Каслом, он начал с упоминания о Лавале, заявив, что его визит, как и визит французского премьера, является важным звеном в «цепи международного взаимопонимания»¹³¹. Что же касается его предложения на счёт того, чтобы Америка «взяла лидерство в международных делах», оно означало возвращение США на авансцену европейской политики. Гранди понимал, что, если даже Европа сможет преодолеть кризис, Британская империя уже не будет в полную силу гарантом баланса сил в Европе. К тому же Италия, как средиземноморская держава, не могла не учитывать, что входы и выходы в обеих частях Средиземного моря (Гибралтар и Суэцкий канал) находятся в английских руках. Поэтому Гранди не зря процитировал хозяину Белого Дома фразу Теодора Рузвельта от 1911 г.: «Как долго Англия будет способна поддерживать баланс сил в Европе не только в теории, но и фактически, всё хорошо. Но если она не будет справляться с этой задачей, Соединенные Штаты будут обязаны, по крайней мере, временно вмешаться в целях восстановления баланса сил в Европе... По причине нашей силы и географического положения мы становимся балансом силы всего мира»¹³².

Из вышесказанного следует, что Италия не согласная с французским доминированием в Европе, готова была принять доминирование США. В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, можно ли считать Муссолини и Гранди поборниками атлантизма? Сам Дино Гранди спустя много лет в своей

¹²⁸FRUS. 1931. Vol. II. P. 646, 647.

¹²⁹Ibid. P. 648, 649.

¹³⁰DDI. 7. XI. P. 173.

¹³¹FRUS. 1931. Vol. II. P. 645.

¹³²DDI. 7. XI. P. 175, 176.

книге, посвящённой внешней политике Италии во время своего пребывания в должности министра иностранных дел, пишет, что итальянское правительство всегда было против «отделения Европы от Америки», и поэтому он критиковал проект Пан-Европы Аристиды Бриана. Отдавая дань уважения американскому индивидуализму, он замечает, что «благополучие нации – это результат благополучия отдельных личностей, таким образом, только лишь благополучие личности определяет всеобщее процветание», а также приходит к выводу, что два года кризиса показали, что «Европа не может больше обойтись без Америки»¹³³. Впрочем, инициатива Гранди о возвращении США в Европу в тех политических реалиях осталась без последствий. Америка сосредоточилась на внутренних проблемах.

Е.В. Журихина

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОСЕНЬЮ 1939 Г.: ДИСКУССИЯ О «ВОЕННОМ КУРСЕ»

Вторая мировая война явилась переломным моментом в развитии Великобритании, а также в истории коммунистического движения Британии. Дискуссия о политической стратегии в условиях начавшегося мирового конфликта обострила многие противоречия внутри партии и способствовала столкновению различных мнений. Первые месяцы войны, а именно сентябрь – ноябрь 1939 г. – один из наиболее насыщенных событиями периодов в истории Коммунистической партии Великобритании (КПВ). Вторая мировая война, по высказыванию авторитетного британского исследователя А. Торпа, стала для КПВ временем «вызовов и новых возможностей»¹³⁴.

В течение 1930-х гг. коммунисты открыто выступали против политики «умиротворения» гитлеровской Германии, проводимой консервативным правительством под руководством Н. Чемберлена. Компартия неоднократно организовывала антифашистские шествия, демонстрации, а зачастую рядовые члены партии открыто противодействовали агитации Британского союза фашистов, который под руководством О. Мосли разжигал антисемитские и фашистские настроения.

Активная общественная деятельность коммунистов привела к росту ее влияния. К 1939 г. значительно возросло представительство коммунистов в исполнительных комитетах тред-юнионов. Коммунистическая партия Великобритании имела 64 представителя в 32 профессиональных союзах¹³⁵. Увеличилась и численность партии. В 1939 г. в партии состояло 17539 человек¹³⁶.

В 1939 г. непосредственно перед началом войны Коммунистическая партия провела кампанию против дополнительного призыва в армию. Грядущий мировой конфликт определялся коммунистической пропагандой как империалистический по сути. КПВ неоднократно призвала Британию заключить союз с СССР для того, чтобы избежать войны. Таким образом, союзнические отношения коммунисты рассматривали как единственную возможность для предотвращения конфликта. Именно поэтому заключение в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа стало для лидеров и рядовых членов КПВ большой неожиданностью. Подписание договора о ненападении свидетельствовало о кардинальных изменениях в расстановке сил на мировой арене, а это означало и перемены в политической стратегии как коммунистического движения в целом, так и Коммунистической партии Великобритании. Однако перед самым началом войны Коминтерн, долгое время направлявший политику коммунистический партий по всему миру, не дал руководящих указаний.

На следующий день после вступления Великобритании в войну с Германией компартия выпустила тиражом в 250 000 листовку «Военная политика коммунистов. Обращение к жителям Великобритании»¹³⁷. В листовке одобрялось начало военных действий. В борьбе между демократией и фашизмом левые должны быть вместе с западными демократиями. Коммунистическая партия провозгласила т.н. линию «борьбы на два фронта», которая предусматривала как оказание сопротивления фашизму, так и борьбу с правительством Н. Чемберлена. В КПВ считали, что победить фашизм при условии сохранения власти Н. Чемберлена не возможно. Концепция «борьбы на два фронта» позволяла, как поддерживать ведение войны, так и продолжать критиковать правительство.

Поддержав на первых порах переход Британии к борьбе с фашизмом, компартия продолжала проводить антиправительственную линию. В. Галлахер, депутат от компартии в Палате Общин, обрушился с критикой на

¹³³ Grandi D. La politica estera dell'Italia dal 1929 al 1932. Bonacci Editore. Roma. 1985. P. 510, 511.

¹³⁴ Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920 – 1943. L., 2000. P. 256.

¹³⁵ Thorpe A. The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920 – 1945 // The Historical Journal, Vol.43, № 3 (2000). P. 788.

¹³⁶ Ibid. P. 781.

¹³⁷ Eaden J., Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920. L., 2004. P. 68.